

Воровка для палача

Автор:

Витамина Мятная

Воровка для палача

Витамина Мятная

Я – Йеннифер Ньерд, воровка по прозвищу Скользящая Тень. Мою сестру Льель обвинил в воровстве жених, а сваха подтвердила это. Все зависит от воли Конрада Черного – палача. Я пришла к нему, чтобы выкупить жизнь своей сестры, но случайно покусилась на его честь, за это первый ужас королевства присвоил себе мою невинность.

Витамина Мятная

Воровка для палача

От храпа булочника тряслись стекла. Аккуратно отжав и поставив рядом с окном раму, я, словно тень, скользнула в комнату. На цыпочках прокралась вглубь спальни, где под балдахином спали двое.

Добыча посверкивала на тумбочке. Местный пекарь, богач и скупердяй, подсчитывал дневную выручку, лежа в постели, да так и заснул. Основная прибыль в виде ассигнаций находилась на толстом пузе мужчины, но бумажки меня не интересовали. Мой взгляд был прикован к кучке монет. Золото отражалось в моих расширенных зрачках.

Взятка, та, что я решила дать палачу взамен за жизнь моей сестры.

Жена булочника, худая, как швабра, и плоская, будто щепка, сопела рядом с супругом. Она с кислым, что твой лайм, характером очень скоро доведет до гробовой доски толстого и рыхлого, словно сдоба, мужа.

Женщину звали Сильвия, и больше всего на свете я хотела, чтобы мечта Кислятины (как я ее прозвала про себя) поскорее сбылась. Возможно, тогда она стала бы добрее к своим постояльцам.

Жена пекаря уже много лет мечтала иметь детей. Я на своей мансарде через трубы вентиляции слышала, как она каждый вечер пилила мужа из-за того, что он никак не может сделать ей ребенка. Бедный толстый барсук, этот большой детина поджимал хвост и в страхе дрожал перед своей тощей боевой половиной.

Я цапнула монеты и черной молнией метнулась к окну, запрыгнув на подоконник, так и замерла, стоя на одной ноге. Медленно спустившись, я обернулась. Приняв решение, я колебалась лишь секунду, после меня уже нельзя было остановить.

Сняла с шеи единственную семейную ценность: флакончик с зельем абсолютного феромона и стала отвинчивать пробку. Приворотные духи мне достались в наследство от предков. Предание гласило: стоит зверю или человеку нюхнуть его запах, он тут же влюбится в того, на кого будет нанесен этот чудодейственный состав.

Я подкралась к постели.

Чета барсуков храпела в унисон. Руки мои задрожали от страха – вот-вот жидкость расплещется. Стараясь много не потратить, я окропила мужа и жену в надежде, что утром их семейная жизнь наладится, а квартирантам станет чуточку легче у них жить. Руки, испачканные в феромонах, небрежно отерла об одежду.

Вильнув хвостом, я лоснящейся тенью юркнула в окно.

Впереди меня ждало опасное задание, на котором можно было легко погореть.

* * *

Вереница мокрых от холодного дождя крыш. Вот он, тот самый зловещий переулок, где живет тот, в чьих руках жизнь моей сестры. Спрыгнув с крыши, я полетела вниз к своей судьбе.

Дверь. Грязная. Черная.

Как и имя того, кто притаился за ней.

Конрад Черный. Палач.

Самый страшный и таинственный человек нашего королевства. Одно его имя вызывает безотчетный страх, звук его голоса – дрожь в коленях. От пристального взгляда его единственного глаза самые стойкие мужики падают в обморок.

Палача боится даже король Еоля, Пий Кровавый.

И в логово к этому ужасу я решила влезть.

Потоптавшись немного под дверью, из-за которой пробивались лучи света, я так и не решилась постучать. Несколько раз поднимала руку, но не смогла.

Вместо этого обогнула кособокую пристройку и влезла в окно. Так было привычнее.

И... Замерев на месте, я превратилась в столбик льда.

Желтый взгляд пригвоздил меня к подоконнику.

Широко расставив колени, в огромном кресле сидел великий и ужасный первый мечник королевства. Палач по прозвищу Конрад Черный.

Увидев, что это всего лишь я, мужчина небрежно откинулся на спинку и расслабился, но руку с огромного двуручного палаша не убрал.

Лик его было ужасен. Тут и самого стойкого человека вывернет наизнанку от такой «красоты». У палача не было одного глаза, всю правую сторону лица пересекал рваный шрам, резал на две половинки заломленную черную бровь, искажал и кривил вниз уголок рта так, что выражение лица всегда оставалось злым и презрительно надменным.

Вырвавшись из гипнотического плена желтого взгляда, я опасливо огляделась.

Помещение было убого. Пылающий очаг в не штукатуренной каменной стене. Над огнем котел. Судя по запаху гари в комнате и настежь открытому окну, в котором я торчала, то, что варилось в посудине, давно уже выварилось и сгорело, превратившись в вонючие несъедобные угли.

В углу комнаты стояло ведро, куда в полной тишине методично капали капли воды, действуя на нервы – протекала крыша. Из мебели огромное кресло, колченогий стол, заваленная одеялами кровать. Не дом, а мужская берлога. Логово одинокого и матерого зверя.

Палач отхлебнул вина из кубка. Я вздрогнула от грубого звука его голоса.

– Это ты шуршала под моей дверью? Я слышал о тебе. Скользящая Тень – самая ловкая воровка в Еоле.

«Всегда приятно, когда твои заслуги признают, но скромность – украшение любого грабителя».

– Не самая лучшая, я только учусь, – нервно отозвалась я. В полумраке собственный голос показался тонким, дрожащим и неуверенным.

– Слышал, что полгода назад по заказу ты «обнесла» купца на горсть драгоценных камней.

«Пусть докажут, что это была я! Золотая монета, что дал нам заказчик, помогла пережить голодную зиму, купить дров и заплатить аренду за крохотную комнатку под крышей. Если он думает, что я буду страдать от того, что смогла выжить и вызвать врача к больной сестре, пусть подумает лучше!»

– Камни толстосум мог потерять. Их могли выкрасть его подельники, да мало ли хороших воров в столице, которые могли добраться до его рубинов.

«Черт! Проболталась! Главное, чтобы он не обратил внимания на то, что я точно знаю, какие именно камни пропали».

– Ага, только торговец проглотил их для сохранности. Я даже не стану спрашивать, КАК ты добралась до них...

– А я не буду отвечать... – Не говорить же палачу, что вовремя примененная бутылка касторового масла – и дело в шляпе! Натурально «в шляпе», дальше торговец добежать не успел. Касторовое масло в таких делах самое-то. Не подмажешь – не поедешь! Всем известная пословица.

– Я так понимаю, что ко мне ты заглянула не для того, чтобы каяться в своих грехах и облегчать душу. Дай угадаю, тебе от меня что-то нужно?

Я протянула горсть монет и высыпала их в ответно раскрытую ладонь. До того как пальцы мужчины сжались на деньгах, я увидела, что руки у висельника все в мозолях от рукояти меча, которым он виртуозно рубил головы заключенным.

– Вот. Я хочу оплатить услугу, – деловито сказала я.

Ротозейство или ловля ворон по сторонам – самый страшный враг вора, если только он не хочет быть пойман. Вероятно, я хотела, потому что замечталась о том, как скоро вытащу сестру из петли, и потеряла бдительность. Все было слишком просто. Слишком. А в жизни так не бывает.

Черный палач взвесил взятку.

– Целых пять золотых... – протянул он. – Жаль, что я не беру взятки!

Бросок – и моя нога поддета грязным сапогом, вторая подножка – и я полетела вниз. Секунда, и мой нос встретится с гнилыми досками пола.

Но этого не произошло, вместо знакомства с древесиной меня схватили за шкуру и приподняли.

Злость, с которой меня швырнули на постель, невозможно описать.

Если бы крепкая рука с железными пальцами не удержала меня, то я бы разбила голову о каменную стену.

– Я слуга короля, я его меч, его возмездие и справедливость! – хриплый голос рычал мне на ухо. Горячее тело вжимало в мягкий матрас. – Неужели ты, жалкая воровка, считала, что мою совесть можно купить за золото?

– Не купить, взять в аренду! – Черт дернул меня за язык, но было так больно, оттого что мои руки выкручивают за спину. Я рычала сквозь зубы от ярости и злости. – Продается все! Вопрос лишь в цене!

– Агр-р-р! МОЯ ЧЕСТЬ НЕ ПРОДАЕТСЯ! Ты позарилась на мою, взамен я заберу твою!

«Меня сейчас убьют!» – поняла я, и только одна мысль в сознании: «Кто спасет мою сестру? Неужели ей придется расплачиваться за мое невезение и дерзкий характер?»

Страх парализует. Особенно если ты слышала о своем враге только кошмарные вещи.

Не успела я моргнуть глазом, как те жалкие крохи одежды, что достались мне по наследству, были сорваны.

Рывок – и блуза, треснув по шву, превратилась в бесполезную тряпку. Потертые бриджи сдались без боя, ткань, из которых они были сделаны, давно потеряла свою прочность.

Грубая лапища вцепилась в хвост и задрала его. Пальцы, оставляя синяки на нежных булочках, раздвинули их. Твердое, жестокое своей настырностью и безжалостностью, вторглось и в интимные складочки.

У меня в глазах потемнело от ярости, или это была боль от насилия? Мир на миг принял багровый оттенок, и осталась только одна звериная мысль:

«Укусить. Вцепиться клыками в обидчика, драть зубами его плоть, пить его кровь, захлебываясь и давясь ей».

Но мозолистые ладони крепко держали мои руки, скрещенные за спиной.

Пелена спала с глаз, отхлынула, словно волна. Нестерпимо щипало поруганное место.

– Первый, – мужчина горько усмехнулся и, поддев под колено рукой, перевернул меня.

Все повторилось: грубые руки, непреклонное колено, вторжение, но на этот раз мягко, вкрадчиво. Я попыталась выцарапать палачу последний глаз, лучший мечник королевства только рассмеялся. Он удерживал мои руки одной левой.

Теперь палач двигался не так зло, но не менее интенсивно.

Медленно до меня начинало доходить:

«Я делаю это с мужчиной...»

«Я в первый раз делаю это с мужчиной!»

«Я... господи, я делаю это с самым страшным жителем королевства Еоль!!! Лишь бы выжить!»

– Говори... – хриплое требование. Я молчу. Пытаюсь выкрутить руки из захвата и молчу. Но палачу хотелось слышать мой голос.

– Зачем пришла? Хочешь, чтобы я убил заключенного быстро, без боли?

– Нет! – Я сама не знала, к чему это возражение – к вопросу или к тому факту, что палач ритмично входит в меня. Странное ощущение – мысли смешиваются, а мне надо сейчас соображать как никогда быстро, чтобы выпутаться из этой ситуации. Не ровен час, и я окажусь на виселице рядом с сестрой. А мысли мешаются в клубок, путаются.

Палач перехватывает мою ногу под коленом и задирает выше. Врезается глубже, я чувствую его волосы на интимном месте.

– Хочешь, чтобы обидчик помучился... подольше? – последняя фраза точно не относилась к казни, если только к моей, той, что мне приходилось терпеть сейчас.

– Нет! Нет! Отпустить!

– Отпустить не могу... И тебя тоже, – жарко дыхнул в лицо, его губы оказались в нескольких миллиметрах от моей кожи, но он не поцеловал меня, отвернувшись. Кажется, из-за этой просьбы он разочаровался во мне.

Я застонала.

«Ничего не получится, он не отпустит пленницу! Не спасет мою сестру!»

Убийца преступников навалился на меня всем телом, раздавил, расплющил, не останавливаясь, он продолжая вонзать в меня свою плоть. Шерсть на его теле взъерошила мою, вместе с ритмичными ударами он задевал мою грудь, нежные, не покрытые шерстью полукружия сосков.

Его страшное лицо оказалось возле моей щеки, а искривленный страстью рот с оскаленными клыками возле уха. И я услышала хриплый шепот:

– Но бумаги на пленника могут случайно затеряться. Свидетели могут сказать, что не уверены в том, что видели. Обвинитель мог ошибиться и указать не на того человека. Если, конечно, вина того, за кого ты просишь, не столь страшна... Кто он, тот, кого ты так защищаешь? Возлюбленный? Муж? Любовник? – с каждым словом он вонзался в меня сильнее.

Постепенно, прорываясь сквозь пелену экстаза, до меня стало доходить, что имеет в виду черный палач, и я завопила что есть силы:

– Сестра! Сестра! Она совершенно невиновна, ее оболгали сваха и бывший жених! Мы не брали их денег! Не брали!

– Хех... – Конрад усмехнулся. – И это говорит воровка. Самая честная воровка Еоля!

Мне было наплевать, пусть обзывается как хочет, лишь бы спас мою сестру! «Все возможно, вопрос только в цене!» – вспомнила я фразу, перевернувшую мою жизнь с ног на голову.

Заметив упрямо сжатые губы и окаменевшее лицо, палач остановился и посмотрел на меня.

В первый раз я без страха взглянула в желтый глаз с вертикальным зрачком.

– Ты спасешь ее?

– Не за бесплатно, – бросил Конрад Черный вновь одной рукой перевернул меня на живот и поставил на ноги.

Дыхание сбивалось от ритмичных движений. Палач двигал телом, как паровая машина поршнем. Без устали. Стоило мужчине плавно выскользнуть из меня, как во всем теле возникало ощущение полета, резкий удар бедрами – приземление.

Это как бег по крышам от преследователей, когда ты делаешь гигантский прыжок с конька в неизвестность. Ты летишь вперед сродни ветру, секунды ты паришь над улицей и прохожими и приземляешься на соседнем здании.

Бег-прыжок-полет-приземление и снова по кругу неумоимо, неумоимо, неостановимо. Можно только войти в ритм и наслаждаться гонкой с неизвестным преследователем. Быстрее, пока не догнали. Живее, пока не схватили. Твоя жизнь висит на волоске!

Мне казалось, что последний раунд длится вечно, я потеряла ощущение времени, пока палач не кончил в третий раз, поставив точку в гонке удовольствия.

Когда неподкупная совесть королевства изволил от меня отлипнуть, я в изнеможении осела на пол, повиснув на краю кровати. Сама не понимая, что делаю, как-то заторможенно вцепилась в одеяло и стянула его, прижимая к

себе, укрывая голое тело, теперь лишенное чести. Получить живот, полный щенков, я не боялась, мы с мучителем разного вида. Но к такому я была не готова.

Мысли лениво, как улитки, ползали в голове, вспыхивая, тут же угасали.

Не одеваясь, мужчина плюхнулся в кресло и присосался к кружке. Когда отлип от вина, небрежно бросил деловым тоном:

– Поговорим об оплате.

– Разве я недостаточно заплатила? – Конрад Черный смахнул мои деньги на пол.

– Я ворованное золото не принимаю.

Монеты рассыпались и покатались к моим ногам. Я в бессилии смотрела на сверкающие в свете единственной свечи кругляши, доставшиеся мне дорогой ценой. От страха и обиды ни встать, ни пошевелиться. И кажется, к моему стыду, сейчас подо мной расплзается лужа крови, я так и чувствовала, как капельки вкрадчиво скользят по бедру.

Опустив взгляд в пол, я прошептала:

– Я не то имела в виду.

– Хы! – У него еще хватает совести ухмыляться. – Я тоже не то имел ввиду.

– Ты забрал мою... честь, что тебе еще надо? Какая оплата?

– Сомнительное удовольствие – лишать невинности, много мороки – ноль удовольствия. – Мужчина смахнул красную каплю со своей ноги, весь его пах был измазан кровью. Моей кровью! Если бы я стояла, то непременно упала бы в обморок, хорошо, что я сижу.

Палач продолжал:

– Я не получил ни грамма удовольствия. Испуганная женщина, – это не то, чего желает мужчина. Ты ведь догадываешься, что мужчинам надо?

Я отреагировала молниеносно:

– Золота! Я возьму в долг, мне дадут «чистые» деньги! Я заплачу за свободу сестры!

– Святая наивность! – Конрад с грохотом поставил кружку на стол, так что вино расплескалось. – Или бездонное коварство! Неужели ты думаешь, что я смогу думать о золоте тогда, когда мой мужской аппетит раздражили, не удовлетворив? Вот скажи, ты всегда, когда голодная, о деньгах думаешь?

– Думаю. Всегда, – призналась я, стараясь тайно под собой стереть ладонью лужу крови. – О деньгах. Постоянно думаю, особенно зимой, когда кроме еды и жилья надо еще за дрова платить... Еды мало, и ты вечно голоден...

Лицо палача вытянулось. Взгляд его метнулся к собственной полной поленнице.

– Я имел в виду другой голод! – рявкнул мужчина. И мне захотелось встать, а после хлопнуться в обморок. Спрятаться в успокаивающей бессознанке, словно ты ребенок, притаился под одеялом – и нет тебя.

– Оскорбление мужчины – это опасный поступок, – начал рассуждать висельник. – Нет ничего страшнее, чем соблазнить, раззадорить, а после кинуть. Если ты хочешь спасти свою сестру, ты согласишься на все.

– Вы... вы... настолько голодны, что после нескольких блюд не насытились?

– Я чертовски голоден, можно сказать, умираю, и если я вскоре не удовлетворю свои потребности... в общем, у меня есть два любимых удовольствия: жажда убийства и мужской голод. Если одно из двух не будет утолено так быстро, как хочу, то я самостоятельно добуду себе... пропитание. – Висельник одной рукой приподнял двуручный меч и демонстративно пару раз крутанул его. Я сглотнула ком в горле.

– Почему вы сами не можете себя мм... покормить? – робко спросила я.

– А так невкусно... – осклабился черный палач.

– Я... я... – Доски пола были очень интересными, настолько, что я просто не отрывала от них глаз, страшась посмотреть в гипнотизирующий желтый омут, полный желаний. – Вы не останетесь голодным, если спасете мою сестру.

– Надеюсь, потому что жажда убийства удовлетворится гораздо тяжелее. Нужно отрубить не одну голову, чтобы она погасла. Приступай. – Мужчина откинулся на спинку кресла, практически развалился, широко расставив ноги.

Главное – собраться. Главное – решиться. Он обещал, он спасет сестру. Она будет жить. Что ты готова отдать за жизнь единственного единокровного существа? Гордость, честь, достоинство? ВСЕ! Лишь бы она жила. Потому что ты не в силах признаться даже самой себе, насколько страшно жить в этом мире в полном одиночестве.

Отбросив одеяло я, как была на корячках, поползла к фигуре в кресле.

Нагнувшись, я осторожно обхватила губами нежную плоть. Раньше я никогда подобного не делала, это страшнее, чем прыгать вниз с крыши самого высокого здания. Да по сути оно примерно так и было. От хлынувшего в мозг вместе с кровью адреналина закружилась голова. Вместе с тем внутри зародилось нечто вроде неудержимого восторга.

Меня удивляла нежность вот этого самого объекта, который всего несколько минут назад так беспощадно ощущался внутри моего тела.

Казалось, впервые палач был в моих руках всецело и подчинялся мне полностью. Я смогла хоть и временно приручить его.

Мужчина стонал. Запрокинув голову, он расслабленно стекал с кресла.

Вздрагивал и напрягался, если мой острый клык задевал нежную плоть.

Хотелось упрочить позицию, подчинить этого сильного и необузданного дикаря, чтобы он весь, до последней мысли был мой. Защищал, оберегал.

Из грез меня вырвала грубая ладонь.

Шершавая от рукояти меча рука вцепилась в волосы, отрывисто дернула, проталкивая мужскую плоть глубже.

Это было похоже на то, как хозяин лошади дергает удила, направляя ее, навязывая свое мнение и абсолютную власть. Резким движением показывая, кто здесь владеет ситуацией. Против этой подчиняющей руки восстало все мое свободолюбивое существо.

Не выдержав, я мотнула головой, сбрасывая повелевающую длань. Между пальцев палача застряли вырванные волосы, рыжие, будто медная проволока.

В приступе праведной ярости клыки нашли плоть и вцепились в нее. Коротко, зло. Язык ощутил вкус крови, сладко-соленый, как острие стального меча. Именно таков на вкус клинок, если, заигрывая с опасностью, лизнуть его.

В следующий момент я черной тенью вылетела в открытое окно.

Неполная минута беспорядочного бегства в никуда, во тьму, и я заблудилась меж островерхих черепичных крыш и печных труб.

Осознание, что я наделала, ударило под колени, и я рухнула.

– Я убила свою сестру! Я убила единственного родного человека! – Из моей груди вырывались рыдания вперемешку с облачками пара.

С высоты крыши я не могла видеть, как черная тень мечется по улицам в поисках меня. Зовет сорванным хриплым голосом, просит вернуться, так, как когда-то уже звала, молила, отдавая свой голос за возможность быть услышанным.

* * *

Мы – Эноки, жители королевства Еоль, скромно примостившегося сбоку от Темной империи. Наша страна крохотная и нищая.

Большинство из жителей – зверолюди, помесь магов и животных. От оборотней, шкуровертов, выворотней и метаморфов мы отличаемся тем, что звериная ипостась и есть наш истинный образ. Эноки не перевоплощаются в новолуние и не оборачиваются в иные личины во время полной луны. Усы, лапы и хвост – наш единственный внешний вид на всю жизнь.

Почти все граждане Еоля – лисы, еноты, волки, медведи, люди-птицы, звероящеры и прочие волшебные помеси. Только здесь, в этой всеми забытой дыре, еще остались эльфы, пикси и другие малые народцы. Но в нашей стране попадаются и чистокровные человеки – маги, чародеи, ведьмы и ведьмаки из Светлой и Темной империи.

* * *

Я вприпрыжку бежала по крышам. Для меня, ласки редкой иссиня-черной породы, воровство – это единственная пригодная профессия. Кроме нее – только вакансия подавальщицы еды в местной таверне со всеми вытекающими отсюда последствиями. Подстилкой заезжих торговцев, праздных прохожих и местных пьянчуг мне быть не улыбалось. Оставалась только одна профессия – воровство. Первоклассное, виртуозное искусство отъема излишков у богачей.

Был еще шанс после смерти родителей выскочить замуж, даже претенденты были. Сваха захаживала, обещала посодействовать за деньги.

Но язык за клыками я держать не умею, смотреть в пол тоже, нахальна, откровенна и прямолинейна по натуре, да и кто позарится на Эноку такого сомнительного окраса, как я?

Остевой волос у меня сине-черный, а подпушек рыжий: выдает всю мою дерзкую натуру. Нет, рыжим-бесстыжим в нашем королевстве мужа найти не так просто. Другое дело – моя сестренка.

Молочный лоснящийся мех и кофейный подпушек. Скромна, тиха. Личико у нее круглое, носик маленький пуговкой и глазенки огромные в пол-лица, не то что у меня – зеленые и с узкими вертикальными зрачками.

Да только и ей замужество не обломилось, по моей вине. Сватался к ней первый торговец Еоля, я не отпустила. Где это видно, чтобы у мужа и жены была в возрасте разница в двадцать лет? Серый развратник наотрез отказался ждать, когда невеста вырастет, и потребовал консуммации. Незамедлительно.

Сваха встала на сторону жениха, апеллируя к тому, что деньги уже получены. И мне, воровке, лучше сестру не пристроить. Не прозябать же такой красавице вместе со мной, перебиваясь с корки хлеба на воду. Родит здоровых детей, муж ей назначит содержание, сестра моя будет свободна, как ветер. И мне деньжата достанутся, коли родственницу уломаю и обломаю. Если сестра согласится, для меня всегда найдется место в доме ее мужа, после того как она родит, конечно, не раньше.

В общем, вышел скандал. Я швырнула мешок с деньгами в лицо жениху, тот задел сваху, та задела свечку... и понеслось. Несостоявшийся жених и сваха, пылая и роняя искры, бежали в одну сторону улицы, а я, схватив сестру и скудные пожитки – в другую. Но Еоль – огромный город и единственный, вокруг только жалкие деревеньки да вспаханные поля. В общем, нас нашли.

Как чужая, волчара поганый не простит отказа. Слишком сильно нужны ему наследники, а ни одна благородная Энока не смогла принести ему ни одного щенка.

Жен у Серого перебивало много. Все они, бездетные и оскорбленные, вернулись к родным. Говорили, что после нескольких месяцев в доме жениха они выглядели не лучшим образом. Ни к одной из них никто больше не посватался. Хотя им ничто не мешало образовать новую пару. Ходили слухи, что одна из бывших жен наложила на себя руки. Дошло до того, что все породистые семьи закрыли двери перед носом подобного женишка.

Поэтому торговец обратил свой взор на невест попроще.

Я знала: за подкопченную шкуру он затаил на меня обиду, но не догадывалась, что в качестве мести он поставит под меч палача шею моей сестры. По принципу: если она не достанется ему, так уж ничьей женой больше никогда не станет. Мы дружно пожалеем, что не осознали своего счастья вовремя.

И я жалела, ой как жалела, что всего лишь маленькая воровка, а не обученный профессиональный убийца вроде палача.

Нет теперь со мной моей сестренки, единственного близкого человека. Соседи доложили, что рано утром пришла свора псов – местные стражники, скрутили Льель прямо на улице и увели.

Обвинение? Кража денег у добропорядочного гражданина Еоля, Северьяна Пепельного.

А кто он для этой бедной сиротки? Жених и почти что муж.

А что случилось? Да не выдержала босоногая уличная голытьба, когда торговец честь по чести женится, решили досрочно запустить лапы в свадебные подарки.

Когда Северьян Пепельный приходил свататься, невеста кошель с пояса и срезала. Сваха подтвердит. Доподлинно известно: ласки – те еще воровки.

Все поверили, одаренные подарками.

– На свете все покупается и продается, вопрос только в цене! Йенн и Льель Ньерд – вы обе приползете ко мне на пузе и будете вымаливать прощение! Я куплю вас двоих по цене одной, буквально за гроши! Приходи ко мне ночью, и утром я заберу свою жалобу, – последняя фраза Северьяна Пепельного, брошенная мне, прежде чем он захлопнул дверь перед моим носом.

Вместо этого я пошла в дом палача.

* * *

Мы – Эноки, у нас все не как у людей.

Порода и знатность – лучше доброты. Продолжить род любой ценой, получив приплод – ценнее чести. Звериный зов крови важнее семейных ценностей. Сила, выносливость, умение добыть еду, необузданное звериное влечение – признаки наших лучших самцов и мужей. У самок ценится порода и способность дать

здоровый выводок щенков. Вечно в хлопотах, с десятком детей, не выходящая из дома без острой надобности, чтящая своего мужа и добытчика, – так выглядит образ идеальной жены, долг превыше любви и преданности.

Что-то мне подсказывало: попади Лъель в дом к серому, тот не выпустит ее из спальни до самой смерти. За других жен могли заступиться родственники, но кто заступится за сиротку?

У меня был шанс разобраться с обидчиком, отвадить Северьяна Пепельного от наших дверей. Я все испортила, лишилась возможности выкупить жизнь своей сестры.

Как же теперь быть? Что делать? К кому бежать за помощью? Король далеко, до него не докричишься, да и какое ему дело до уличных воровок?

И все же я должна была что-то предпринять, даже если это будет последнее, что я сделаю в своей жизни!

В голову пришла только одна отчаянная мысль: выкрасть саму Лъель из тюрьмы до того, как до нее доберется палач и утолит свой зверский мужской голод и жажду убийства.

Если прогорю, то... В конечном итоге – займу место сестры, на подкуп у меня денег хватит. Все в этом мире продается и покупается. Вопрос лишь в цене.

Но такое опасное дело требовало особой подготовки.

* * *

Досрочное экспроприирование чужого добра, а попросту более справедливое распределение богатств – дело не самое хитрое.

Сложнее изначально несправедливо разделить эти блага, объяснив жителям королевства, что они добровольно должны отдать часть скудного заработка в казну Еоля. После чего она осядет в виде дворянских привилегий в карманах богачей.

Я висела на коньке крыши, мне предстояла куда более трудная задача, нежели выманивание золотых кругляшей из толстых карманов.

Мне требовалось извлечь сестру из знаменитых казематов Пия Кровавого. За все годы существования дворца Еоля из его подвалов смогло вырваться лишь трое и то по приказу самого Кровавого короля.

На моем пути стояли: Конрад Черный – палач, Северьян Пепельный – помощник правителя по торговым делам первый торговец Еоля и сам Пий Кровавый, первый Энок королевства, наместник бога на земле.

Требовалось, чтобы ни один из этих троих мужчин меня не узнал. Засветишься – потом проблем не оберешься.

Золотые монеты, что отверг палач, предпочтя мою честь, (сомнительный выбор, согласна с ним), я распределила таким образом:

Корзина краски для шкуры – купила у ведьмы, опустошив все полки в ее магической лавке. Парчовое платье, расшитое фальшивыми драгоценностями. Наряд подержанный, но сверкает на все сто. Необходимо только немного изменить фасон, этим и займется портниха. Наемный экипаж и бездна терпения. Ведь маскарад – день, когда во дворец будет открыт доступ всем приглашенным – наступит не завтра.

Все перевоплощение заняло у меня полных три дня и три ночи.

Самое трудное было натаскать воды в старую лохань на чердаке, чтобы перекрасить шкуру.

Несчастной хозяйке дома, где я пряталась, пришлось нагреть не менее десяти ведер воды для купания своих детей, и то хватило впритык.

Стоило ей налить в ванну воду и уйти, как тут же в окно влетало ведро на веревке, вычерпывало налитое и утаскивало наверх. Маленькие грудные детишки, конечно, не могли меня сдать с потрохами. И несчастная мать, столь опрометчиво пожелавшая помыть своих младенцев, бегала вверх-вниз не меньше пятнадцати раз.

Высветлиться полностью не получилось, но моя шерстка все же приняла бледно-кофейный оттенок. Теперь я вполне могла сойти за дворянку-горностаюку или норку-аристократку, что уже неплохо.

Когда все было готово, я оставила горсть монет на подоконнике слухового окна и ушла, чтобы никогда больше не возвращаться. Да у меня и не будет возможности. Если кража удастся, нам с сестрой придется бежать прочь из королевства в Темную или Светлую империю, а если не удастся... В общем, я буду пребывать в столь отдаленных местах, откуда не возвращаются.

Под шокированными взглядами хозяев я спустилась с чердака при полном параде – в золотом парчовом платье, расшитом камнями, в парике и маске.

Несчастные горожане и не подозревали, что в доме кроме них есть еще кто-то, пока стук моих шагов по лестнице не насторожил их. Все домочадцы так и замерли с открытыми ртами.

Возможно, они решили, что я привидение или эльфийка, но ни один Энок не посмел меня остановить, а я, топча каблуками сафьяновых туфель их великолепный ковер, вышла вон из дома и, сев в экипаж, хлопнула дверцей, стуком в крышу поторопив возницу.

Семья – муж, жена и пятеро детей – еще несколько минут сидели и ошалело пялились на открытую входную дверь. Моя карета уже давно скрылась в тумане, когда отец семейства осмелился подкрасться к двери и, воровато осмотревшись, захлопнуть ее.

* * *

Музыка и веселье, пир и праздник, атмосфера вседозволенности и легкомыслия окружали дворец.

Я вышла из кареты и растерялась, впервые увидев такое великолепие. Требовалось надавать себе пинков и собрать все свое мужество в кулак, чтобы сделать следующий шаг. Я успокаивала себя тем, что уже видела самое ужасное: Конрада Черного в гневе, страшнее палача ничего не может быть.

Труден только первый шаг, а после я на высоких каблуках засемила в гущу веселья, даже пританцовывая от нетерпения. Все здесь для меня было ново и интересно.

Выходка моя была одновременно дерзка, нагла, нахальна и смертоубийственна. Нищенка на пиру! Воровка там, где первые красавицы и лучшие Эноки королевства выставляют на всеобщее обозрение свое богатство и спесь. Если меня раскроют, отрубанием головы я не отделаюсь. Придворные заставят дорого заплатить меня за их унижение. Первое правило Еоля – разделение. Влиятельные и богатые отдельно от остального народа. Даже улицы были отдельные. Хоть и водятся у тебя в кармане деньжата, но, чтобы поселиться здесь, покажи свои грамоты, титулы и влияние. Поэтому, когда наши родители умерли, мы остались ни с чем. Дальние родственнички быстренько растащили то, что завещали нам предки, мы тогда были малы и не смогли уберечь то, что было наше по праву. Все права в королевстве у влиятельных и богатых.

Те, кто разорвались или впадали в немилость, опускались на самое дно. Мы даже не могли купить приличное жилье и вынуждены были селиться где придется, с такими же нищими, как и мы. Если в кармане и появлялись деньжата, путь в лучший мир был закрыт. В Еоле существовало только белое и черное, никаких оттенков, все, что кроме – грязь.

Вот почему в королевстве так трудно жить.

Раз уж у меня теперь нет ни чести, ни совести, я собиралась нагло соблазнить полкоролевства. Я чувствовала в себе бездну отчаянной решимости.

«Так вот как живут богачи!» – подумала я и смело шагнула в огромный зал.

Стоило ступить на паркет, ко мне подскочил рыжий кот, подхватил и, не спрашивая, увлек в круговерть вальса.

* * *

После смены нескольких кавалеров я взмолилась о пощаде и глотке чего-нибудь освежающего. Мне принесли бокал шампанского, поведав, что оно здесь недурное. Первый раз в жизни я попробовала этот шипящий и покалывающий

язык напитков. Я залпом выпила первый бокал, и мне принесли еще, почти каждый, с кем я танцевала, очень назойливо угощал меня чем-нибудь наподобие шампанского. Я продегустировала все: вино, вермут, коньяк и прочее, сладкое и кислое, терпкое и нежное. Не было числа и края разным бокалам: узким и длинным, низеньким и толстым. Вокруг меня собралась толпа мужчин, они наперебой шутили и непринужденно болтали, очаровывая своей легкостью, непосредственностью и галантностью. С ними я впервые почувствовала себя чем-то большим, нежели маленькая уличная воровка.

Здесь были все необходимые фигуры. Я без труда узнала хмурого, будто грозовой день, палача. Стоит, подпирая стенку, насупившись, будто мокрая ворона, втянул голову в плечи и неодобрительно взирает единственным глазом на танцующих, а вокруг него круг отчуждения, который никто не смеет нарушить.

Северьян Пепельный присутствовал здесь же. Объедался мясом, вонючий хорек, и подкатывал ко всем дамам без разбору. И это тогда, когда моя сестра, его возможная невеста, околевает в застенке. Не очень он печется о своей будущей жене, которая, по его словам, столь необходима его сердцу, истосковавшемуся по семье и детям. У него вообще нет этого органа, а чувствует он желудком и печенькой.

Пора было прекращать глазеть по сторонам и веселиться, необходимо начать приводить мой план в исполнение.

Я отделилась от толпы и смело шагнула вперед.

Говорят, ласки когда-то были кочевым племенем. Возможно, во мне взыграла необузданная первобытная кровь, но я двинулась не к Северьяну, а к палачу, не осознавая, что так открыто заигрывать с огнем опасно, можно и обжечься. Но я ничего не могла с собой поделаться, это дерзкое желание бросить вызов обидчику было сильнее всего.

Никто из давешних кавалеров не посмел последовать за мной, те, кто все же рискнул сопроводить мой порыв, завидев того, к кому я направляюсь, мигом растворялись в толпе.

Быть узнанной я не боялась, все были в костюмах и масках. И черного палача я отгадала только по злобному желтому взгляду и... мечу, торчащему из-за спины. Карающая длань короля даже на бал притащила с собой инструмент возмездия. Конрад был весь в черном, половина лица от лба до подбородка закрыта маской. На поясе висели весы – символ суда, за спиной меч – символ исполнения.

Вероятно, палач изображал смерть и правосудие.

Конрад не сам шил свой костюм и не по доброй воле явился на маскарад. Из своей норы на свет божий палач выполз не иначе как по настоянию короля. А одевали его придворные дамы. Потому что только фрейлины могли так по-идиотски одеть первый ужас королевства, показав саму суть и одновременно иронично издеваясь.

Несчастному предстояло быть шутком и пугалом этого праздника. Нет, никто не посмел бы оскорбить первый меч королевства, но все шептались за спиной палача и отпускали злобные шутки, за которыми явственно проглядывал страх.

Я не представляла, как так получилось, что главный ужас королевства был пленен и подчинен. Я взглянула в сторону Пия Кровавого. Издалека преотлично было видно, что корона чересчур велика монарху и держится только за счет вопиющих лопауший, ноги короля даже не достают до земли, и он сидит на высокой подушке, подрыгивая ими, а скипетр дрожит в слабеньком кулачке.

Мне стало жалко палача, он был сильнее всех их вместе взятых, но его держали невидимые оковы. Он был похож на дикого, не прирученного зверя, которого держат в неволе. По взгляду Конрада было видно, как он ненавидит их всех и презирает. Он бы здесь ни минуты не остался, если бы мог уйти.

Больше, чем несправедливость, я ненавижу отсутствие выбора. И я решила их всех проучить.

Когда я схватила за руку и потянула в центр зала впавшего в ступор палача, музыканты споткнулись на ноте, певец, горланящий балладу, дал петуха, хор подавился припевом и забыл слова, король уронил скипетр, а какая-то особо нервная дама хлопнулась в обморок.

Танцующие шарахнулись от нас в стороны, будто мы чумные, и отдавили друг другу ноги, в считанные секунды центр танцпола освободился от людей.

В общем, в огромном зале воцарилась гробовая тишина, слышно было только, как держава, подпрыгивая, будто мячик, катится по ступенькам трона вслед за скипетром.

* * *

– Я думаю, вам не помешает немного веселья! – Руки палача машинально легли на талию, шершавая ладонь стиснула мою ручку, которая мгновенно потонула в огромной лапище.

Струны нервно взвизгнули, и первый скрипач, то и дело спотыкаясь на нотах, заиграл вальс.

Какое-то время первый ужас королевства был в замешательстве.

Но в себя он пришел поразительно быстро. Реакция у палача отменная, только и мы не лыком шиты.

Жесткая хватка стиснула мои пальцы с намерением не выпускать, а железная ладонь крепко прижала к телу мужчины.

Я демонстративно расслабилась, показывая, что никуда не спешу, и лениво перетекла в очередное па. Грация у ласок в крови! Хотя о чем это я? Сейчас я аристократка на балу.

Мои действия не обманули палача, он по-прежнему был начеку. Тело убийцы на автомате вспоминало правильные движения. Мы уже кружились по залу в кошмарно механическом танце, будто не грациозные животные, а железные человечки в музыкальной шкатулке, рвано и неуклюже. Постепенно остальные кавалеры вывели своих партнерш на танцпол, но держались они от нас на расстоянии. Мы и в самом деле будто прокаженные.

Я делала вид, что не замечаю, как убийца преступников с подозрением меня рассматривает. Стискивает, жмакает, ощупывает мою талию грубыми палицами.

Мне померещилось или он втянул носом воздух возле моего лица?

«Не старайся дружок, я на себя столько духов вылила, что твое обоняние сию минуту отдаст концы!»

Черный палач сморщил нос и отодвинулся. Я же, прикрывшись веером, коварно улыбнулась.

«Ты еще лизни ненароком! – позлорадствовала я про себя. – Тот еще сюрприз будет, кислее травы, что идет на осветление шерсти, нет ничего на свете! Лимон покажется тебе сахарным фруктом по сравнению с этим рвотным вкусом».

Я уже в открытую торжествующе улыбалась, а гроза королевства недовольно хмурился.

«И как я только осмелилось, может, шампанское – напиток более крепкий, чем я думала?»

Так и не опознав во мне знакомую воровку, любитель чужой чести заговорил:

– Зачем вы это сделали, привлекли всеобщее внимание? Очередная насмешка?

– Чтобы отомстить за вас! Никто не заслуживает такого. Вас вырядили, будто клоуна, и, как диковинное животное на ярмарке, вывели на потеху публике.

– Скорее для устрашения.

– Отнюдь, мне совершенно не страшно! – Конечно же, я врала, от страха подгибались коленки, но пузырьки шампанского, игравшие в крови, делали меня безрассудной и отважной.

– Я заметил, – прохрипел палач.

– Впрочем, думайте как хотите, может быть, это происки ваших врагов. У вас есть при дворе недоброжелатели?

– Ха-ха-ха! – Сиплый смех заставил меня вздрогнуть, побледнеть и покрыться холодной испариной. – Правильнее будет спросить: кто при дворе не враг. – Заговорщицкий шепот на ухо, от которого я вздрогнула. Пристальный взгляд... Секундное напряжение мышц, разочарованный выдох... Я вновь не узнала.

«Как же пьянит чувство безнаказанности, когда ты на балу-маскараде и никто не может тебя узнать!» Я уже наслаждалась танцем и своей маленькой победой.

А палач неплохо танцует, у меня получалось гораздо хуже. Но я училась недолго, сказка резко кончилась, а с ней уроки танцев, этикета, манер – и здравствуй, улица, постылые дальние родственники, бедность и выживание. Но ведь в танце ведет мужчина, не так ли? Палач с лихвой компенсировал мое неумение. В его руках я чувствовала себя, словно хрупкая статуэтка, бережно вращаемая мастером.

Дворян обучают владеть мечом и танцам с малых лет. Что же получается, Конрад по прозвищу Черный тоже из благородных? Никогда бы не подумала. С другой стороны, если присмотреться...

Я смело взглянула в лицо первому ужасу королевства. Не буду врать, что душа не ушла в пятки. Ушла, и еще как! Уродливые шрамы не целиком были прикрыты резной маской, сквозь дыры проглядывали иные порезы, до дрожи искусная резьба по плоти. Могу поспорить, в душе у черного палача такие же шрамы.

«Кто же так изуродовал этого Энока?» – задавалась я вопросом.

Вдруг палач повернулся другой стороной.

Я забыла, как дышать, стиснуло грудь, сердце екнуло и пропустило удар. Передо мной был идеальный профиль, самый породистый, какой я только могла видеть за всю свою жизнь. Точно такие же лики изображены на старых монетах, отчеканенных еще в период правления родителей Пия Кровавого, нынешнего короля.

У меня не осталась ни единого сомнения: палач тоже относится к благородным, никаким налетом грязи этого не скрыть.

Как изящно он двигает своим сильным телом, как ловко перехватывает инициативу и плавно ведет в танце. Еще слегка неуверенно, словно он делал это очень давно и забыл как. Он потерял себя настоящего, и не может найти, но вспоминает, что раньше был другим. Как и та я, другая, родом из детства.

Настроение резко изменилось, я расстроилась. Проклятое королевство и проклятые дворяне, любящие только себя, власть и деньги!

Тянуть больше не имело смысла, в полночь снимают маски, я должна все успеть. В последний раз я с тоской взглянула на прекрасный профиль и приступила к исполнению плана. К вечеру этот лик уже не будет столь безмятежно наслаждаться танцем, брови сдвинутся, губы изогнутся в злой гримасе, но я, надеюсь, уже буду далеко.

Начался новый танец. Все выстроились в два ряда лицом друг к другу.

Кадриль великолепна сменой партнеров. Шаг, поворот, поклон – и ты уже спешишь навстречу новому кавалеру, а прежний партнер обязан довольствоваться новой парой.

Я начала считать про себя и комментировать действия.

«Пируэт, поклон, шаг, еще один поклон, вскинуть руку вверх. Это так легко! Я вполне могу сойти за благородную даму, а не уличную чистильщицу карманов!»

Скользящий шаг в сторону... И ласка ускользает из лап палача. С ключами от камер, которые она ловко сняла во время танца.

Сменив еще несколько партнеров, я оказалась на краю ряда, легко вышла из шеренги, усердно танцующей па, и затерялась в толпе глазееющих.

Мой путь стремился ниже и ниже, в сырые и гнилостно чернильные подземелья. Вот и ряды решетчатых клеток. Придерживая юбки, быстро пошла, заглядывая то в одну, то в другую. Камеру сестры я увидела издалека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/myatnaya_vitamina/vorovka-dlya-palacha

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)